35. URL: http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=37877.0
36. URL: http://www.kiev-orthodox.org/site/cults/1768/
37. URL: http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=BA4AC94196A54E138B606C842AAC431C&idrubr=3A76693B8E0711D3A90A00C0F0494FCA

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Н.М. Морозов

ДЕРЖАВНОСТЬ В ОБРАЗЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ XI – XVII ВВ.: ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассмотрены точки зрения на историческое наполнение смыслового поля понятия «державность» и его роль в формировании образа русской власти в период становления российской цивилизации. Показано основополагающее значение идеи катехона в метафизическом интерьере самодержавия.

Держава, державность, катехон, самодержавие, Удерживающий, Третий Рим.

The article considers the historical content of the semantic field of the notion "great power" and its role in formation of the image of Russian power in the period of formation of Russian civilization. The fundamental ideas of katehon in the metaphysical interior of autocracy are presented in the paper.

Power, power status, katehon, autocracy, Holding, the Third Rome.

Периодически возникавшие напряжения вокруг и внутри вертикали российской власти, ставшие атрибутом политических циклов, сформировали в среде отечественных интеллектуалов устойчивую потребность в переосмыслении прежних и новых выражений ее самобытности. Однако проблема не может быть до конца понята без представлений о трансформации ее смыслового поля в различные периоды истории. Настоящей статьей автор намерен обратить внимание обществоведов на недооцененное значение идеи державности в понимании функций верховной власти.

В современной историографии державность некоторыми исследователями определяется как принцип устройства российского общества (М.М. Кожаев), государства (Е.В. Алексеева, Е.З. Майминас). В святоотеческих и светского характера текстах толкование идеи включает канонические сюжеты о соборности и симфонии властей, что дает право выделять державность в качестве информативной и ключевой смысловой конструкции, глубоко укорененной в историческом сознании русских. Рассуждения о ней можно встретить не только в духовном наследии русских мыслителей XIX в. Идея отразилась в названии, в гимнах и доктринах многих партий, возникших в последние двадцать лет.

Ввиду отсутствия систематизированных знаний о данном сегменте историографического поля, аккумулировавшего практики концептуализации идеи державности как в предметных, так и в междисциплинарном пространствах, назрело объемное исследование, которое бы позволило не только расширить представления о тенденциях развития отечественной мысли, но и рассмотреть основные направления трансформации смыслов идеи в современном научном знании. Общий замысел обусловил постановку первоочередной задачи, соответствующей формату статьи – рассмотреть точки зрения на происхождение и роль ключевого понятия в формировании образа русской власти в период становления российской цивилизации.

Порядок образования **семантического поля понятия державности** интересовал составителей словарей русского языка, определявших смысловые границы однокоренных слов, вычлененных, в первую очередь, из семиотического континуума памятников письменности XI – XVII вв. Методика основывалась на приемах пояснения речевых символов, которые оттачивались в течение XVIII – начала XX вв. в словарных статьях, раскрывавших этимологию ключевого понятия – «держава» – и группы производных от него речевых фигур.

В целом у обществоведов не было сомнений в изначальной его принадлежности к древнеславянскому языку («держава» – власть, сила, могущество), известного по библейским текстам [4], откуда и черпались идеи, цементировавшие в XI – XV вв. древнерусское общество. Однокоренные аналоги существуют в языках многих народов центральной и восточной Европы, обозначающие, как полагал П.Я. Черных, крупное государство (держава – в украинском, държава – болгарском; држава – сербском и хорватском; drzava – словенском, чешском; dzierzawa (аренда) – польском) [16, с. 343].

Впервые интересующий нас терминологический ряд в упорядоченном виде был представлен в «Словаре Академии Российской» части II (1790) и части VI (1822). Веяния внутренней политики Екатерины I и Александра I, направленные на секуляризацию духовной жизни, отразились на подборе содержания статей. В них излагались общие значения таких понятий, как: держава («государство, земля, страна

верховной властью управляемая, владычество, могущество, крепость, сила, небольшой золотой шар с четвероконечным крестом на верху») и самодержавие («управление самовластное государством») [9, с. 609 – 614], [10, с. 18 – 19]. Однако уже в следующем издании – Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном сотрудниками второго отделения Императорской Академии наук в 1847 г., – номинации ключевого понятия «держава» отличались большим разнообразием, с разделением на группы значений.

1. Название царской регалии в виде шара (яблока) с крестом.

2. Светские значения идентифицировалось с «государством», «независимым владением». К данной семантической группе относились существительные: державец (правитель) и держальник (помощник воеводы).

3. Религиозный оттенок подразумевался в таких понятиях, как: владычество, могущество, крепость, сила. Из литургических текстов были выделены родственные значения однокоренных слов: державно (с могущественной властью), державство (владычество, верховная власть), которые в середине XIX в. еще не требовали дополнительных пояснений по поводу казавшейся составителям их очевидной божественной констелляции [12, с. 318 – 319].

4. О глубоком проникновении «державной» терминологии в народное сознание свидетельствовали приведенные названия предметов повседневного пользования: держалень (балюстрады, перил); держалка – рукоятка, ручка; держальцы – штемпель, держава – железная полоса (стержень, прут) – элемент приспособления для ковки / сварки железа. Глагольная форма «держать» насчитывала 11 оттенков значения владеть кем-нибудь / чем-нибудь.

В толковом словаре великорусского языка В.И. Даля (1880) практика употребления перечисленных выше смыслов иллюстрировалась внушительным рядом фразеологизмов, взятых из литературы, устного народного творчества и разговорной речи. «Державство» отождествлялось с владычеством как правом верховной власти, а «державность» определялась как свойство или принадлежность к владычеству [14, с. 443]. Аналогичная работа была проделана И.И. Срезневским, опубликовавшим в 1893 г. первый том материалов для словаря древнерусского языка, составленных по письменным источникам XI – XIV вв. Сведения были систематизированы таким образом, чтобы читатель мог увидеть хронологию развертывания смыслов державы: в XI в. трактуемой, по мнению автора, как власть, сила, основа; а в XII – XIII вв. – как управление, государство [13, с. 773 – 778].

Словарная практика допускала осовременивание трактовки державы терминологией более позднего происхождения, которой составители владели гораздо лучше, чем языком книжников. Памятники письменности предоставили множество примеров того, как люди в местах проживания локализовали политическое пространство одним городом, представлявшемся центром земли, находящимся под защитой князя. Его ощущение передавал Даниил Заточник и последующие летописцы, писавший: «Дуб крепок множеством кореньа; тако и град наш твоею [князя] державою» [2, с. 169]. Древнерусский человек, по мнению И.Н. Данилевского, оставался бы в неведении относительно слова «государство», появившееся в лексике намного позже. Тем не менее, рассмотренные выше словарные статьи, равно как и другие издания, инвентаризировавшие результаты развития русского языка и посредством его – политической мысли, показывали удревленность в общественном сознании ключевого понятия, употреблявшегося в XI – XVII вв. в различных значениях, охватывавших предметную часть таких важнейших сфер жизнедеятельности, как: духовно-религиозная, управление верховной властью, материально-трудовая и бытовая повседневная.

Новая попытка систематизировать значения понятия «держава» была предпринята уже на исходе советского периода в Словаре русского языка XI – XVII вв. (1977). Принципиальным отличием от дореволюционных публикаций явилось построение уже известного нам смыслового ряда: владычество, могущество (правителя), сила (988); удел, княжество, владение (1150, 1474); власть, правление (1305, 1688); страна, государство (1573, 1675) [11, с. 222] в хронологическом порядке в соответствии с предполагаемой датировкой источников – памятников древнерусской письменности. Как видим, в советском академическом издании вниманию удостоилась исключительно светская семантика.

Специалистом по древнерусской лингвистике В.В. Колесовым в 1986 г. был осуществлен семиотический анализ понятия «держава». Примечателен ряд выводов, касавшихся происхождения первичных и последующих его смыслов, сделанных на основании историко-лингвистического анализа памятников книжности. Автор пришел к заключению о наличии у населения Киевской Руси изначальных представлений о власти, осознаваемой как сила рода, которой время от времени наделялся один из его представителей, держащий эту власть. В тот период держава, по мнению ученого, означала простое держание власти [6, с. 271 – 274], т.е. власть понималась как право, а держание – это власть. Вслед за Владимиром Мономахом русские князья, включая и Дмитрия Донского, трактовали державу как поддержку могуществом или силой, дарованную небесным Творцом, выступавшим верховной силой.

Как известно, развитие языка напрямую связано с развитием мышления. На примере ранней истории русского народа данную связь состояний выделил И.Н. Данилевский, писавший: «…сначала слова́ предельно конкретны, употребляются преимущественно в качестве *имен собственных*. На втором этапе развития языка осуществляется переход к *обозначению* словами целых *классов явлений*. В дальнейшем же слово превращается в орудие или средство выработки *понятий* и тем самым терминологизируется». Поэтому «…древнерусские тексты, судя по всему, мо-

гут быть с полным основанием отнесены ко второму из названных этапов развития языка. Описания в них еще нетерминологичны, но уже позволяют типологизировать происходящее» [2, с. 8 – 9]. Уже начиная с XVII в. с различением в контексте властных отношений значения «территории» и «люди, на ней живущие» произошло терминологическое сужение смысла «державы», и великий князь «…получает двуединую формулу власти, соотносимую с волей бога: и над землей (державу держит самодержец), и над людьми (царь-государь)» [6, с. 276 – 277].

Таким образом, В.В. Колесов пришел к выводу о последовательности введения в оборот таких понятий, как: земля – страна – государство – царство – держава – империя, отметивших собой повороты представлений русских о новом в развитии их социальной (в широком смысле) и политической организации. С постепенным растворением в мирских подобиях прежних представлений о божественной власти требовалось их обновление, каждый раз происходившее посредством принятия необычной для традиционного сознания титулатуры с новым возвышенным прочтением прежней версии о неземной природе власти.

Для энциклопедических словарей, выпущенных в перестроечные годы, характерной чертой стало вымывание смыслового разнообразия ключевого понятия и фокусирование внимания на державе как одной из регалий царской власти [5, с. 178].

Из сказанного следует, что собранный словарный фонд русского языка включил в себя многослойное семантическое поле, сформировавшееся на базе слова «держава». Авторами вышедших (начиная с конца XVIII в.) в свет энциклопедических словарей в исторической ретроспективе отслеживалось его насыщение новыми значениями, среди которых нечетко выраженные, но востребованные в монархический период религиозные смыслы утратили свою актуальность после событий 1917 г. в атмосфере господства атеистического мировоззрения. Несмотря на умеренную в этимологическом плане информативность словарной группы, итоги ее анализа, тем не менее, важны и являются первым шагом в определении семантической нагруженности понятия «державность», проблематизированного в современной историографии.

Для работ богословов и представителей светской науки, сочетавших православное мировоззрение с поиском истины им присущими методами, одной из центральным тем являлись мотивы закрепления религиозных смыслов державности в образе верховной (самодержавной) власти. В теоретическом плане светская историография опиралась на аналитические выкладки архиереев русской церкви, славянофилов и представителей русской консервативной мысли XIX – начала XX вв. (Филарета, митрополита Московского, Л.А. Тихомирова, П.А. Флоренского и др.), для которых Бог был предметом и методом исследования, а византийское духовное наследие рассматривалось в качестве важного фактора формирования социокультурного пространства Древней Руси. Духовную основу власти русских князей и царей ученые и богословы видели в ее органичной связи с учением о катехоне.

Идея «Удерживающего» (греч. катехон) была сформулирована апостолом Павлом во Втором послании к общине города Солоники и по настоящее время является одной из ключевых в христианской эсхатологии. В своем толковании фразы апостола: «Та́йна бо уже́ де́ется беззако́нія, то́чію держ́яй ны́нѣ до́ндеже от среды́ бу́детъ (Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет [взят] от среды удерживающий теперь...)» [17], Иоанн Златоуст (ок. 347 – 407) отождествлял беззаконие с наступающими на мир силами Антихриста, приход которого «удерживает» защитник христианского царства. С падением Византии (1453) миссию вселенского Удерживающего, по мнению выразителей утверждающейся в XV в. идеи «Третьего Рима», наследовал великий князь Московский и Владимирский Василий III (1479 – 1533) – глава последнего православного царства, закрепивший свой высокий религиозный статус титулом самодержца.

К концу XX в. в отечественном богословии каноническое толкование миссии катехона и порядок ее исполнения получило новое звучание в контексте российской истории. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв) предположил, что первым, кто понял свое великокняжеское служение как обязанность «Удерживающего», был Андрей Боголюбский (ок. 1111 – 1174) [3, с. 136], т.е. за три столетия до падения Византии. Эту миссию, по мнению иерарха, подразумевали все последующие князья и книжники, употреблявшие термин «держава» в своих представлениях о княжеской власти. Среди многих доказательств сказанному была приведена цитата из послания Ростовского архиепископа Вассиана Рыло (1480) Иоанну III, упрекавшего князя в нерешительности при стоянии русских дружин против войска хана Ахмата на р. Угре: «Что я прежде изустно сказал тебе… том и ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу» [3, с. 150].

Владыко обратил внимание на то, что в послании душа и держава не случайно оказались рядом, выражая, таким образом, распространенный в древнерусском обществе принцип княжеского служения Богу – управив державу и душу спасешь. Рассуждения подводили читающую аудиторию к выводу о существовании еще до Василия III традиции среди священнослужителей приучать русских князей думать об ответственности «Удерживающего» в пределах своего удела, возможно, пока безотносительно к остальному православному миру.

Среди исследователей не было принципиальных разногласий по поводу безусловного влияния канонической идеи катехона на мировоззрение общества и на духовную компоненту власти в средневековой Руси. Позиции разнились в части глубины проникновения в ту грань проблемы власти, сущность которой в начале XX в. выразил П. Флоренский, подчеркнувший, что «…самодержавие Царя относится к

числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу» [15, с. 26]. Артикуляция указанной выше идеи с понятиями «держава» и «самодержавие» обрела недвусмысленные историческое содержание в трудах, посвященных исследованию воплощения миссии катехона в идее «Третьего Рима» и ее проекций на известные в российской истории формы верховной власти.

На рубеже XX – XXI вв. третьеромистская идея стала предметом достаточно емких по содержанию монографических и диссертационных исследований В.Д. Бакулова, Н.В. Синицыной и К.М. Товбина, М.Н. Шевченко и др. Благодаря широкому использованию текстологического анализа, ученые увидели в озвученной (1523 – 1524) старцем Филофеем формуле «…два убо Рима падоша, а третеи стоит, а четвертому уже не бытии…» [7, с. 348] сложившуюся в обществе мировоззренческую установку к восприятию верозащитной миссии самодержца как главной функции верховной власти. Взгляды сподвижников идеи – предшественников и последователей Филофея из числа греческих и русских богословов – явились результатом религиозного переосмысления внешнеполитических событий XV– начала XVI столетий, а также убежденности в истинности канонического учения о третьем (и последнем) земном странствующем царстве, обосновывавшего перемещение на Русь центра восточного христианства. Мотив рассуждений был связан с отождествлением четвертого царства с небесным в соответствии с откровениями из Книги пророка Даниила «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» [1]. Размышления инока касались религиозных основ царской власти, законность которой подкреплялась указанием на легендарную родословную киевских и московских князей, восходящую к римским и византийским императорам.

Подводя итоги и отдавая должное изысканиям представителей семиотики, этимологии, представителей богословской и светской научной мысли, подчеркнем вероятностный характер выявленных исследователями начальных смыслов полисемантичного понятия «держава», реанимированных из памятников книжности XI – XVII вв. Уже по материалам словарей конца XVIII – начала XX вв. можно было обнаружить устойчивое разделение его смыслового поля на религиозные и светские значения. Отмечая множественность смысловых конструкций, с помощью которых на рубеже XX – XXI вв. предпринимались попытки подчеркнуть особенность русской власти, И.В. Следзевский констатировал, что у авторов «…держава и державность <…> ассоциируется не только с независимостью государства, но и с истинной Властью, духом служения Власти высшим сакральным началам и народным интересам, идеалам государственного устройства» [8, с. 107]. Обществоведы, анализируя обстановку эсхатологических ожиданий XI – XVII вв., считали глубокую веру средневекового общества в миссию катехона основополагающей в формировании метафизического интерьера царской власти. Поэтому понятие державности канонически и по существу соответствовало обозначению актуальной для народа религиозно-нравственной и верозащитной функции русского царя как самодержца.

Источники и литература

1. Дан 2. 44.
2. *Данилевский, И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). Курс лекций / И.Н. Данилевский. – М., 1998.
3. *Иоанн (Снычев),* митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания / Иоанн (Снычев) / отв. ред. О. Платонов. – М., 2007.
4. Иов 25. 2; 1 Пет 4. 11; 5. 11; Еф 1. 19; 1 Тим 6. 16; Евр 2. 14; От 1. 6; 5. 13.
5. История отечества с древнейших времен до наших дней. Энциклопедический словарь / [сост. Б.Ю. Иванов и др.]. – М., 1999.
6. *Колесов, В.В.* Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л., 1986.
7. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюру Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима». Фрагмент третьей четверти XVI в. // Н.В. Синицына Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). – М., 1998.
8. *Следзевский, И.В.* Образ России как смысловой конструкт. (Семантическая составляющая «главного русского спора») / И.В. Следзевский // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. – С. 103 – 113.
9. Словарь Академии Российской. Часть II. (Г – З). – СПб., 1790.
10. Словарь Академии российской: по азбучному порядку. Часть VI. (от С и до конца). – СПб., 1822.
11. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 4. (Г – Д) / гл. ред. С.Г. Бархударов. – М., 1977.
12. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1847. – Т. 1.
13. *Срезневский, И.И.* Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – СПб., 1893. – Т. 1.
14. Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля. – СПб.; М., 1880. – Т. 1.
15. *Флоренский, П.А.* Около Хомякова: (Критические заметки) / П.А. Флоренский. – Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1916.
16. *Черных, П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. – М., 1999. – Т. 1.
17. 2 Сол 2. 7.